

Содержание

Пролог	6
От детского хора до Цоя на аккордеоне	9
Ты видишь сны, ты читаешь хорошие книги	17
«Кукрыниксы» и «Король и Шут»	27
На краю	41
Надвигается «Северный Флот»	61
«Все внутри»	73
Боевое крещение	89
«Мизантропия»	103
«TODD»	125
Гастроли с MORDOR и Sidilarsen	145
«Live in Moscow»	155
Презирать и ненавидеть	165
«Несыгранный концерт»	187
Поезд мчит, звезда сверкает	193
«Время любить»	207
И монету одну несут оплатить мой нелегкий труд	217
«ИНОЙ»	225
Акустика	245
Эпилог	251
Благодарности	254
Персоналии	255

Пролог

Все началось с «Короля и Шута» и «Кукрыниксов». Творчеством первых я проникся, посмотрев в 1998-м на РТР телеверсию их концерта в программе «Живая коллекция». В тот раз они играли с Александром «Ренегатом» Леонтьевым, поэтому я всегда считал его полноправным членом коллектива. Дебютный диск «Кукрыниксов» я услышал в мае 2000-го после незабываемой поездки в Череповец на научную конференцию в честь 40-летия Александра Башлачева.

Счастливейшее время! Я заканчивал первый курс аспирантуры МПГУ, писал диссертацию о Гарике Сукачеве и Александре Ф. Скляре, постоянно был на связи с первопроходцами роковедения из Тверского госуниверситета, регулярно печатался в издаваемых ими выпусках научного сборника «Русская рок-поэзия: текст и контекст». В Череповец я прибыл именно с тверским «десантом». В конференции деятельное участие принимала мама Башлачева Нелли Николаевна. Она устроила нам экскурсию по только что открывшемуся музею, посвященному сыну.

Небольшое помещение было надвое разделено вдоль громадным деревянным гитарным грифом, одновременно выпол-

няющим роль помоста на метафорическую сцену. В музее только что сделали ремонт, и краска на грифе еще не высохла. Нелли Николаевна велела всем нам пройти по этому сооружению, чтобы в прямом смысле слова «исСЛЕДовать» башлачевскую суть. Мой новый ботинок Rebel на рифленой подошве (в точности такие же носил тогда Михаил Горшенев) оставил на черной лаковой поверхности отчетливый отпечаток. Спустя два с половиной года я вновь наведался в Череповец и увидел этот след.

Быстро разделавшись со своими докладами, мы направились отмечать наш успех ко мне в номер. К выбору закуски почему-то подошли с особой тщательностью, однако я умудрился переплюнуть всех остальных. Увидев на витрине кондитерского отдела коробку конфет «Синий бархат», я слезно начал уговаривать своих спутников приобрести ее, так как за пару месяцев до этого мне сорвал башню одноименный фильм Дэвида Линча. Всем пришлось смириться с моей блажью. Впрочем, мысли мои на тот момент занимал вовсе не десерт, качество которого явно уступало его названию, и даже не создатель «Твин Пикса», а одна из наших прекрасных докладчиц...

На следующий день в лавке Череповецкого художественного музея, организовавшего конференцию, я приобрел дебютный диск «Кукрыниксов». А в привокзальном ларьке купил компакт-диск четвертого альбома «Короля и Шута» — «Герои и Злодеи». Песни Саши Ренегата «Солдатская печаль», «На окраине земли» и «Невезучий» идеально озвучивали мое тогдашнее состояние. Целыми днями я гулял по залитой солнцем Москве, тайком вздыхал о недоступной тверской красавице, которая вот-вот должна была уехать в Америку навсегда, и слушал истории о таких же, как я, неприкаянных странниках, чье счастье утекает сквозь пальцы, но они не переживают по этому поводу.

С тех пор каждый май я вновь заряжал в плеер диск «Кукрыниксов» и неизменно воскрешал те незабываемые эмоции. Скептик Децл назвал бы это «оргазмом нейронных связей» — ну и пускай! Ренегата старался из вида не терять и очень радовался, когда он в 2011-м вернулся в «Король и Шут».

Кто же знал, что еще два года спустя случится то, что случилось... Прочтя вечером 19 июля 2013 года о смерти Михаила Горшенева, я рыдал в голос, как ни по кому больше. Днем позже, когда должен был состояться концерт «Короля и Шута» в Зеленом театре, я, не зная, куда себя деть, отправился на мое любимое Новодевичье кладбище. У могил Вертинского, Хлебникова, Булгакова и Андрея Белого я интуитивно искал забвения и успокоения. Не помогало ничего. К превратившемуся в место вселенской скорби Зеленому театру подъехать так и не решился...

Вечером 21 июля — на излете своего самого страшного в жизни дня рождения — я уже мчался на Ленинградский вокзал. Дальнейшее слишком хорошо знакомо всем посвященным по песне «Северного Флота» «Стрелы». Огромная толпа у стади-

она «Юбилейный». Непрерывный беспощадный дождь, на который мало кто обращал внимание. Притихшие панки, которые жадно расхватывали экземпляры кем-то принесенной кипы бесплатных газет Metro с Михой на обложке, будто в этих промокших номерах могут содержаться ответ, совет и спасение. Князь-Владимирский собор через дорогу, в котором совсем недавно отпевали другого русского гения — Алексея Балабанова. Бессмысленный путь неизвестно куда, потому что «ноги не знают, куда идти, руки не знают, кого спасти». Концерт неведомых авангардных металлистов в клубе на Большой Морской, где я, вконец обессиленный, проспал от начала и до конца выступления, не услышав ни одного аккорда.

Подлинных музыкальных радостей в тот год было не так уж много. Да и сам он казался сплошной черной дырой, в которой чудом теплилась жизнь после не оправдавшего мизантропических надежд конца света по календарю Майя. Альбомы выходили один забубеннее другого. Земфира в «Жить твоей голове» окончательно погрязла в депрессии. «Крематорий» в «Чемодане президента» то и дело срывался на бессильную злость. «Калинов Мост» в «Contra» нес уже не мир, а меч, будучи в контрах со всем миром. «Аквариум» и Александр Ф. Скляр ограничились переосмыслением архивного материала. Гарик Сукачев прощался со своими «Неприкасаемыми», издерганным «Внезапным будильником». Zorge лихорадочно вопрошали: «Что мы знаем о равновесии?» Федор Чистяков после долгого затишья продемонстрировал в «Правилах игры» отличную форму, но за него, как и двадцатью годами раньше, вновь было тревожно.

Но еще тревожнее было за «Северный Флот». Ведь, начиная с декабря 2013-го, штормило практически непрерывно...

От детского хора до Цоя на аккордеоне

Почему наиболее самобытные музыканты нередко «произрастают» в глубинке? Наверное, потому, что из-за отсутствия учителей многим из них приходилось изобретать собственные приемы звукоизвлечения. Или потому, что на их вкусы влияла не какая-то тщательно продуманная фонотека, а те случайные записи, которые просто оказались под рукой.

До четвертого класса Саша Леонтьев жил в приднестровском селе Рашково (по-другому — Рашков). Его отдали в музыкальную школу, где он одновременно занимался на аккордеоне и пел в хоре. В доме у Сашиного дедушки стояла завешанная рушником радиолы, на которой можно было слушать «Бременских музыкантов» и другие пластинки, которые привозили, съезжаясь в село на каникулы, мамы братья и сестры. Что можно было тогда достать в киосках «Союзпечати» и в музыкальных отделах? Как правило, это был журнал «Кругозор» с синенькими гибкими пластинками, хотя попадались и серьезные виниловые издания.

Александр Леонтьев:

Первый рок-рифф я, конечно, услышал в итальянской эстраде, а больше на тот

момент было негде. Даже забыл, как звали певца, но рифф довольно типичный. Став постарше, нечто подобное я услышал у группы KISS.

В хоре Леонтьева послушали и сразу поставили солистом, хотя до этого никто с ним не занимался. Впервые на сцену в этом качестве он вышел уже в 7 лет. В Приднестровье это был единственный сельский хор мальчиков, поэтому неудивительно, что на социалистические праздники маленьких артистов посылали в соседние районы давать концерты для ветеранов и обычных людей. В репертуар непременно входили духоподъемные песни вроде «Эх, дороги» и «Сигнальщики-горнисты». Более логичные для таких коллективов «Крылатые качели» исполнялись на уроках, а в красные дни календаря котировались песни преимущественно патриотической тематики.

Поскольку спортом маленький Саша на тот момент не интересовался, времени на занятия музыкой у него было предостаточно. До сих пор он с теплотой вспоминает тот момент, когда мама купила ему аккордеон.

Александр Леонтьев (Ренегат) в детстве

Александр Леонтьев:

Если не ошибаюсь, стоил он тогда 140 рублей. По тем временам это были огромные деньги — вся месячная зарплата матери. Понимая, что у нас не очень хорошая финансовая ситуация, я никогда ничего не просил у мамы, а тут просто обалдел! Мы пошли в «Культтовары», и я выбрал себе яркий ядовито-зеленый перламутровый аккордеон «Сюита». Дома я на нем достаточно быстро научился пилить часами всевозможные композиции, популярные в то время: Аллу Пугачеву, Игоря Николаева, Софию Ротару. Я слушал радиоприемник с бабушкой и все схватывал на лету. Мне это было дико интересно. Исходя из этого, я довольно быстро потерял интерес к музыкальной школе.

Когда мы переехали в Кишинев, я ходил в музыкалку год и перестал, потому что мне было неинтересно играть все эти этюды, а уж тем более писать сольфеджио и ноты. Я до сих пор не научился их писать — незачем. В аккордеоне меня привлекало другое: садишься и начинаешь что-то подбирать.

На гитару Саша перешел уже позже, переехав в Кишинев, да и то только потому, что с аккордеоном стало «не круто» выходить во двор. В те времена с аккордеоном на улице сидели нелепые «ботаники», вокруг которых увивалась малышня. Оперативно переключившись на гитару, Саша начал подбирать на ней песни «Кино».

Если говорить о питерских неформалах, к которым Саша де-факто присоединился лишь в 90-е, то их музыкальные пристрастия особым разнообразием тогда не отличались. Как пела группа «Кирпичи» в своем первом альбоме «Кирпичи тяжелы»: ««Кино» и «Алиса» — «Алиса» и «Кино» — мы любим эту музыку и слушаем давно». У Саши же все было немного по-другому. Так уж совпало, что, когда он начал слушать «Кино», погиб Виктор Цой. Из «Алисы» первой в руки Леонтьева попала пластинка «Шестой лесничий», к которой он до поры до времени остался равнодушен. А Цоя Саша пытался подбирать и на аккордеоне, но быстро понял, что инструмент больше заточен под вальсы, марши и духовые партии. Приходилось, выбрав самые густые регистры, наяривать «Амурские волны» или шлягеры «Землян».

В отличие от российских рок-музыкантов старшего поколения, отторжения к советским песням Леонтьев не испытывал. Просто настал момент, когда его привлекла более актуальная на тот момент музыка, вроде группы «Форум». Немного позже, параллельно с русским роком, в Кишинев начала просачиваться и западная музыка.

Александр Леонтьев:

Помню, что были абсолютно странные дебильные издания — особенно если посмотреть на них сейчас. На пластинках была написана сушая ересь. Выпускала их фирма «Мелодия», но за это ей как раз огромное спасибо. Все это оказало на меня огромное влияние в дальнейшем, потому что за сравнительно небольшие деньги и при тотальном дефиците я несколько раз умудрялся доставать в магазинах пластинки «Мелодии» с записями Элтона Джона, Питера Гэбриэла, Дэвида Боуи или Rolling Stones. Питер Гэбриэл был для меня абсолютным за пределом, люблю его до сих пор.

Еще у меня были совершенно роскошные Pink Floyd — не просто какой-то сборник, а шикарный концертный двойник «Delicate Sound of Thunder». А на сборнике «Greenpeace Breakthrough» я впервые услышал U2 и Стинга, которых я до этого знать не мог, потому что в журнале «Ровесник» только-только начинали про них писать. После первой песни из этого сборника — U2 «Pride» — и двойника Pink Floyd я понял, что такое «мурашки по спине». Так я осознал, что хочу быть музыкантом.

В группе «Кино» Сашу привлекало немного другое. Преждевременная гибель мгновенно перевела Цоя в разряд легенд, под песни которой было так удобно фанатеть. Что касается Гэбриэла, Pink Floyd и U2, то они покорили парня «инопланетным» звуком. Из русского рока в тот период Леонтьева впечатлил «ДДТ», а «Алиса» совершенно не зацепила. Пластинка «Шестой лесничий», как мы помним, ему просто не понравилась. Зато переехав после школы в Питер, Саша «заболел» «АукцЫоном».

Александр Леонтьев:

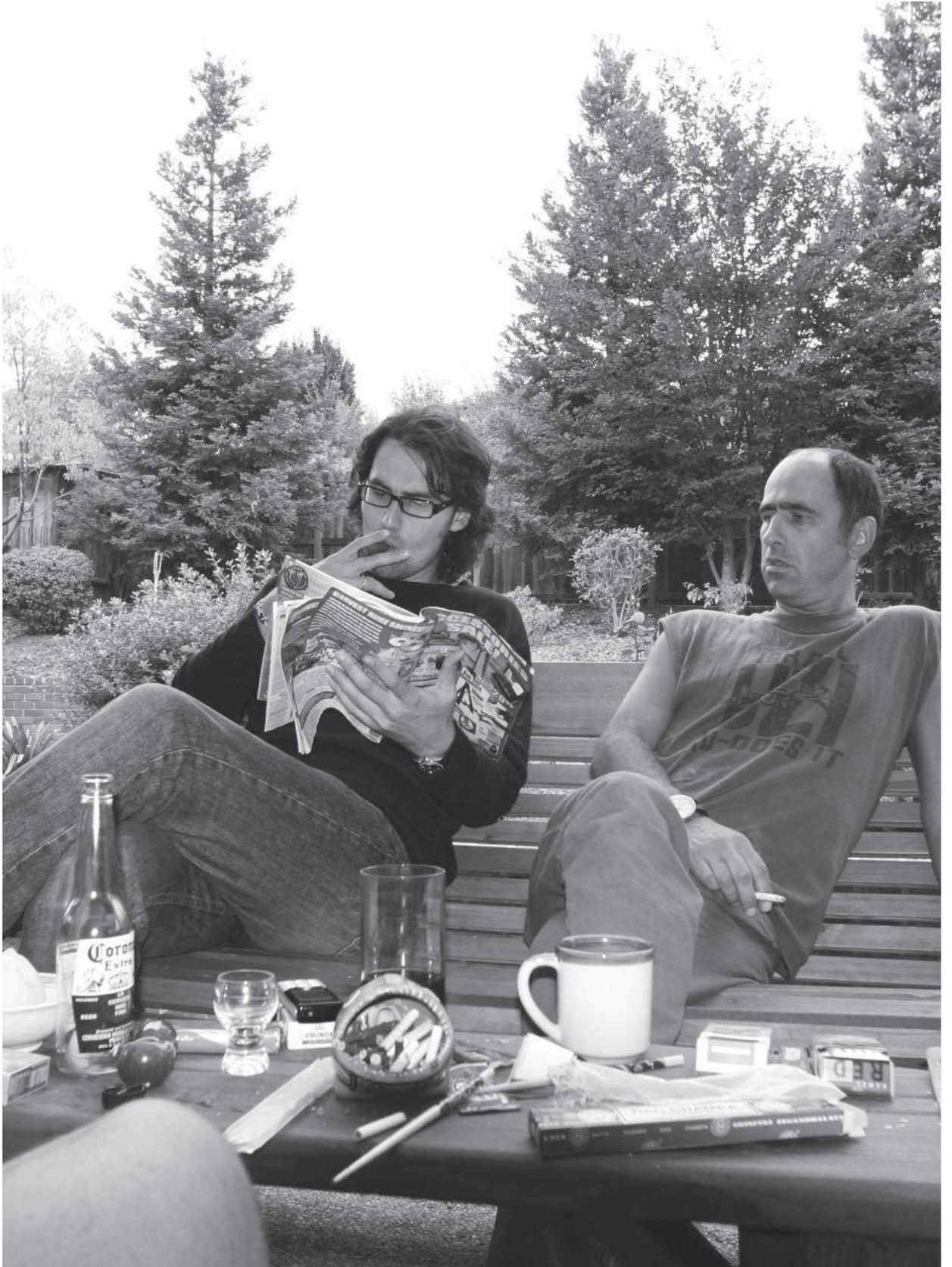
«АукцЫон» — абсолютно самобытная группа, не похожая ни на кого. Когда я начал ее слушать, в моем 16-летнем мозгу уже рождались образы и запахи. «Наутилус» — другая история. До моего увлечения Цоем я, безусловно, выделял их альбом «Разлука». Какое-то время песня «Я хочу быть с тобой» орала из каждой форточки, как потом позже будет орать «Фаина» группы «Ha-Ha». Как я сейчас понимаю, «Наутилус» на тот момент я воспринимал как увлекательное музыкальное явление.

Тогда я не отдавал себе отчет, но сейчас понимаю, что Илью Кормильцева как поэта я ставлю гораздо выше Цоя. А когда я понял, что половина хранящихся у меня дома книг переведена Кормильцевым, включая даже «Бойцовский клуб», я восхитился тем более. На тот момент у «Наутилуса» был саксофон и абсолютно странные клавиши. Это было здорово. Видимо, это и был отличительный знак свердловского, а потом и екатеринбургского рока.

Тяжелая музыка входила в жизнь Саши постепенно. Может быть, потому, что в те времена практически никто из его друзей тогда подобного не слушал. Однако все же случайно в гостях он как-то наткнулся на пластинку «Арии» — «Герой асфальта».

Александр Леонтьев:

По «Арии» я дико зафанател. Но это увлечение я могу сравнить с тем, как сейчас, например, иногда появляются группы одной-двух песен, а потом они как-то исчезают из музыки или публичного пространства. Примерно так у меня и произошло с «Арией». Мне попала в руки пластинка «Герой асфальта», из которой я выделил две

песни — заглавную и «Улицу роз». Послушал и «Мастер», но ничего из нее не запомнил. Наверное, это было еще для меня сложновато.

По-настоящему Леонтьев врубился в тяжелую музыку после своего переезда в Санкт-Петербург. Двоюродный брат Алексей Синицкий, у которого он жил на первых порах, познакомил его с записями «Arise» группы Sepultura и «Черным альбомом» «Металлики». После этого Саша перестал играть на гитаре аккордами, начал «пилить» и одновременно принялся осваивать бас.

Александр Леонтьев:

У меня начало альбома «Arise» — все эти звуки жерновов, прерывающиеся выстрелами, — вызывало сладкое томление в ожидании гитарного забоя. В плане техники я созрел благодаря Джеймсу Хэтфилду, но в музыкальном отношении я всецело обязан группе Sepultura. У них очень много ноток, которые есть и в молдавской музыке, потому что бразильцы — это тоже романская культура. Молдавская музыка всегда заточена под цимбалы. Видимо, она испытала на себе влияние еврейских свадебных песен. Вопрос лишь в том, медленная песня или быстрая. У Sepultura это тоже четко угадывается. Они же бразильцы, по факту — португальцы, а значит, по факту — молдаване.

Детство Александра Леонтьева прошло в СССР, поэтому он впитал в себя музыкальные традиции разных республик. Сейчас он осознает, что украинские песни ему особенно близки. Во всяком случае, именно они производили на Сашу самое большое впечатление на семейных застольях. Песни типа «Несе Галя воду» были особенно уместны тогда, когда произнесено большинство тостов, гости разомлели и начинают расслабленно запевать.

Александр Леонтьев:

Человек, который не был летом на Украине, не понимает, о чем речь. Это полный расслабон, сиеста на полдня, «за нею Іванко як барвінок в'ється». По этой же причине меня потом так накрыли «Вопли Видоплясова», чьи песни как раз основаны на чисто украинской мелодике. Русские песни вошли в мою жизнь позднее, когда я уже начал целенаправленно искать записи Жанны Бичевской или «Черного ворона» в исполнении казачьего хора. Но повлияли на мое музыкальное мировоззрение именно украинские застольные песни. Молдавские — в меньшей степени. Их не пели у нас за столом, зато я их слышал по радио. Наверное, народная музыка все-таки не формировала мое сознание, а где-то немножко рихтовала. Она все время присутствовала на заднем плане или на уровне подсознания.

А. Леонтьев и П. Сажинов, саундчек, 2016 г.

Ты видишь сны, ты читаешь хорошие книги

Основатели мелоцентричных по своей сути групп, как правило, относятся к песенным текстам как к вторсырью. В России много рок-команд, которые десятилетиями делают качественную музыку, но стихи к ней так писать сами и не научились. Им постоянно приходится обращаться к профессиональным текстовикам-многостаночникам, из-за загруженности которых то и дело стопорится работа над альбомами. При ином раскладе дискографии у таких коллективов могли бы быть раза в полтора-два обширнее.

При всей мелоцентричности «Северного Флота» тексты песен здесь самоценны и никогда не уступают музыкальной составляющей. А если говорить совсем уж кратко и упрощенно, то первое впечатление от песен «Северного Флота» таково: музыка сумрачна, а тексты мизантропичны. Откуда это пошло? Это риторический вопрос, но, как ни странно, Саша дает на него предельно точный и развернутый ответ.

Александр Леонтьев:

Очень рано я осознал один момент. Я никогда не буду ни воцерковленным, ни верующим. К этому я долго шел. Четко помню один важный эпизод из детства.

Мне лет 12. Был, если я не ошибаюсь, май месяц. В Кишиневе довольно жарко. Мать на работе. Сестра была в саду или у бабушки. Короче, я остался дома один. Тогда я читал книгу Даниила Гранина «Иду на грозу». По сюжету, один из второстепенных героев погибает. Я четко помню ощущение, как в этот момент впервые в жизни осознал, что я смертен. Впервые осознал этот страх.

До этого я жил в селе. Наш дом находился недалеко от кладбища. Мимо постоянно ходили похоронные процессии. Но в селе к этому проще относишься. После того эпизода я уже начал себя осознавать по-другому. Именно тогда меня накрыло так, что я просто уронил книгу, выбежал во двор, спустился вниз, сел на скамейку и начал оглядываться по сторонам. Мне стало очень страшно. Вокруг кипела жизнь, вечерело, мамочки вели из садика детей. Кто-то играет в песочнице, сушится белье. Колхоз полнейший, окраина Кишинева.

Потихоньку я успокоился, но меня потом много лет это накрывало едва ли не каждый вечер. Ты с этим как-то пытаешься справиться. Осознав свою смертность,

